

МАЯКОВСКИЙ В ГРОДНО

Поэты-футуристы приехали в Гродно в 1914 году, но так и не выступили.

Гродно, Озёрское шоссе... Если следовать по нему из центра города на окраину, то при первом же повороте направо можно попасть на небольшую улицу преимущественно частной застройки, носящую имя великого русского советского поэта Владимира Маяковского.

Несомненно, что большинству её жителей ещё со школьных лет памятни многочисленные чеканные строчки его стихов: «...Читайте, завидуйте – я гражданин Советского Союза!», «Я знаю – город будет, я знаю – саду цвести, когда такие люди в стране советской есть» и, наконец, «Отечество славлю, которое есть, но трижды, которое будет!». Разумеется, что найдутся среди них и такие поклонники творчества поэта, которые вспомнят и другие его произведения. Однако вряд ли среди них найдётся кто-то, кто что-нибудь вспомнит о пребывании Маяковского в наших краях, причём на заре своего литературного творчества. Расскажем читателям об этом...

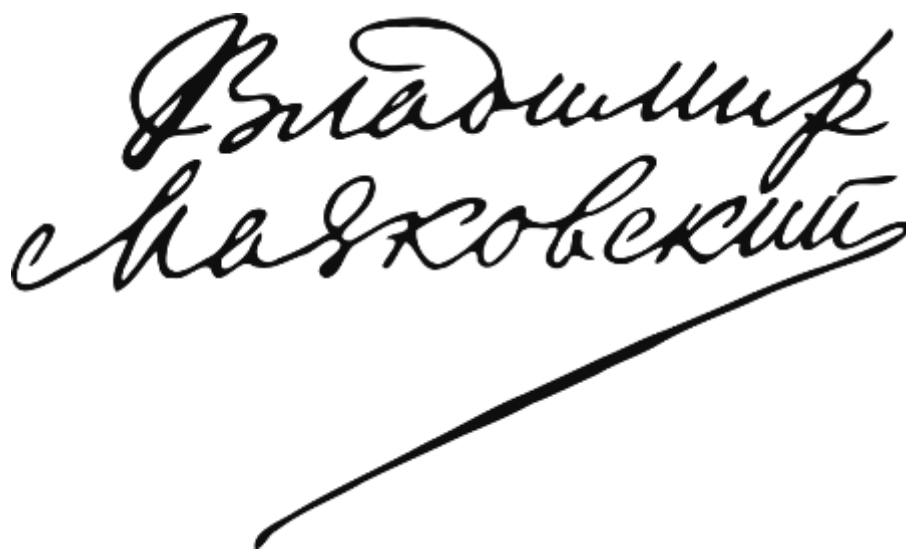
Три молодых поэта-футуриста (**Дмитрий Бурлюк, Василий Каменский и Владимир Маяковский**), ратующих за создание нового искусства – «искусства будущего», 13 декабря 1913 года выехали из Москвы в турне по городам России с целью «революционизировать умы и сердца молодёжи и читать для неё доклады и стихи». Маршрут поездки был намечен такой: Харьков – Симферополь – Керчь – Одесса – Кишинёв – Николаев – Киев – Минск – Москва – Казань – Пенза – Ростов – Саратов – Тифлис – Баку – Калуга – Москва. Не исключались промежуточные посещения и других городов, заинтересованных во встречах с поэтами.

Российская провинция встречала столичных гастролёров с изумлением. И это понятно: новое авангардистское движение здесь воспринималось как нечто абсолютно непонятное и совершенно бессмысленное. Вот как появление десанта поэтов-футуристов описала одна из харьковских

газет: «Вчера на Сумской улице опять творилось нечто сверхъестественное! Громадная толпа запрудила улицу. Что случилось? Пожар? Нет. Это среди гуляющей публики появились знаменитые вожди футуризма – Бурлюк, Каменский, Маяковский. Все трое в цилиндрах, из-под пальто видны жёлтые кофты, в петлицы воткнуты пучки редиски. Их далеко заметно: они на голову выше толпы и разгуливают важно, несмотря на весёлое настроение окружающих». Лица приезжих знаменитостей были разрисованы изображением самолётов, собак и замысловатых каббалистических знаков. Футуристы выглядели так, словно каждому из них кто-то выплеснул на лицо краску из стакана...

Намеченное на начало февраля выступление футуристов в Екатеринославле властями было запрещено. Тогда они спокойно отправились в Минск, где 11 сентября 1914 года выступили в зале Купеческого собрания.

Газета «Северо-Западная жизнь» от 13 февраля, редактируемая гродненцем И.Л. Солоневичем, об этом написала: «Зал был переполнен любопытствующими. После третьего звонка на эстраде появились Маяковский и Бурлюк (Каменский был болен и поэтому не выступал – прим. авт.). Первый – в красиво сшитой ситцевой блузе, на чёрном фоне которой виднелись прекрасные розы. Второй был в сюртучной паре, но зато щёки и лоб его были расписаны синей и красной красками. Первым говорил Маяковский, и, слушая его, нельзя было отказать ему в талантливости оратора и логической последовательности развития мысли». Газета «Минский голос» отозвалась на гастроли футуристов статьёй «Революционеры». Выступление Маяковского автор оценил лаконично: «Продолжительная речь-лекция Маяковского, произнесённая с большим подъёмом, произвела на публику ошарашивающее действие: всё было так ново, так оригинально, так любопытно».

Владимир
Маяковский

Вот что вспоминал спустя годы об этом выступлении писатель **Янка Мавр**: «Публики в Купеческом клубе собралось много. Все ожидали, что Маяковский непременно выбросит какую-нибудь «штуку». Но все были удивлены, когда он произнёс: «Я хорошо знаю, для чего вы пришли сюда. Вы пришли, чтобы покричать, посмеяться, потопать ногами. Но я думаю, что после нашего выступления вам придётся поработать не ногами, а головой...» Находившиеся в зале были шокированы. Стучать и смеяться перестали. Все насторожились. Маяковский начал читать лекцию, а потом стихи. Воцарилась тишина. Слушали поэта внимательно. И действительно, собравшимся пришлось работать головой. Не было никаких «штук», фокусов, а была серьёзная, умная беседа. А ведь поэту было в то время всего двадцать лет...».

«Не трудно представить себе, – вспоминал известный минский журналист Ефим Садовский, – какое впечатление на горожан произвели яркие афиши, сообщившие о предстоящей встрече с Маяковским. Ведь стихов его в то время многие ещё не знали, хотя имя Маяковского было уже хорошо известным. Это и настораживало минского губернатора. После первой встречи с молодым русским поэтом он хотя и с опаской, но всё же дал согласие на проведение в городе вечера поэзии. А как только Маяковский вышел из его кабинета, губернатор вызвал жандармского начальника и строго наказал ему быть бдительным и не допускать крамолы. «Если удастся сорвать вечер, – говорил он, – тем лучше. А если нет, то следите, следите и следите. Самое незначительное нарушение закона со стороны поэта, и я даю вам право прервать выступление сразу же...».

Пока футуристы пытались убедить жителей Казани в том, какие они «современные и умные», 21 февраля в Москве педагогический совет училища живописи, ваяния и зодчества, в котором учились поэты-гастролёры, исключил из числа своих учащихся Бурлюка и Маяковского. Впрочем, на активность поэтов-авангардистов этот факт никак не повлиял. Тем более что на 2 и 4 марта было запланировано их выступление на поэтических вечерах в Гродно и Белостоке. В каждом городе программу выступления необходимо было утверждать в полиции, а для того, чтобы получить такое разрешение, нередко приходилось посещать кабинет губернатора. Но, что любопытно, отказы от губернаторов футуристы получали крайне редко, так как последние не видели в их выступлениях откровенного политического подтекста.

Однако до только что утверждённого в должности гродненского губернатора генерал-майора В.Н. Шебеко, видимо, всё-таки дошли какие-то слухи о «репрессиях» против московских поэтов-лекторов, и он ещё до начала их гастролей в губернии отправил на имя московского градоначальника запрос, что из себя в политическом отношении представляют эти люди. И вскоре в ответ на него получил справку из охранного отделения города Москвы, в котором Маяковский и его друзья были названы «неблагонадёжными».

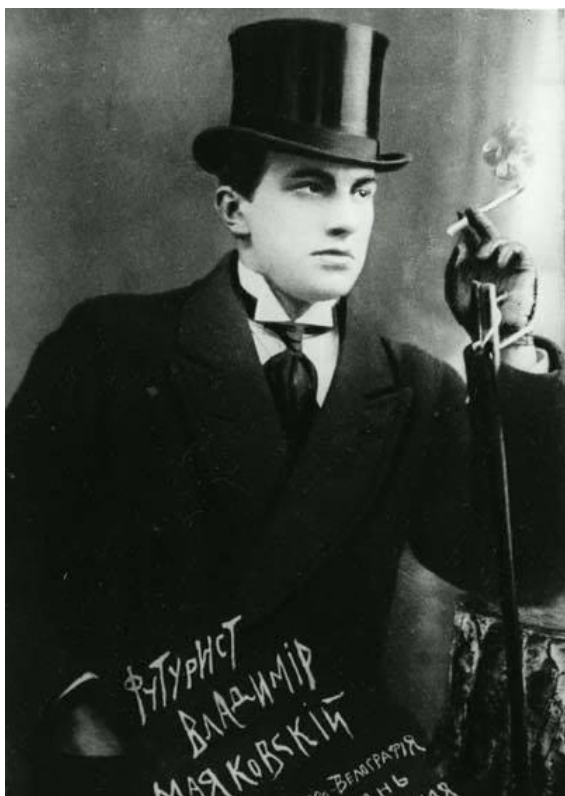
Между тем утром 1 марта поэты-футуристы приехали в Гродно, остановились в гостинице «Европа» и спустя короткое время направились во дворец губернатора. В.Н. Шебеко их принял и молча показал им полученный из Москвы документ. Это означало, что на выступления «новых людей новой жизни» в Гродненской губернии наложен запрет. Непринятые в Гродно, Бурлюк и Маяковский в тот же день пошли на вокзал, купили билеты до Пензы и уже 3 марта с успехом выступили там.

После мартовской неудачи с гастролями в Гродно Маяковский больше не бывал, но в его творчестве этот город звучал неоднократно.

С началом Первой мировой войны Маяковский был призван в армию и определён в 1-ю запасную автомобильную роту петроградской Военно-автомобильной школы, в которой он служил чертёжником. Тогда же начинается его сотрудничество с издательством «Сегодняшний лубок», которое публиковало серию хромолитографий и почтовых карточек, рассказывающих о событиях на театре военных действий в художественно-поэтической форме. В это время из-под его пера вышло такое четверостишие: «Сдал австриец русским Львов / Где им зайцам против львов! / Под Варшавой и под Гродно / Били немцев как угодно. / Прусаков у нас и бабы / Истреблять куда не слабы! / Русским море по колено; / Скоро нашей будет Вена!».

В октябре 1917 года Маяковский, не задумываясь, стал на сторону большевиков, а в годы гражданской войны использовал прежний военный опыт в своих агитационно-пропагандистских стихах для «Окон» РОСТА. В одном из номеров последнего за август 1920 года, когда уже полыхала советско-польская война, он вновь вспомнил о Гродно и написал с учётом тогдашней ситуации на фронте такие строчки: «Красная Армия пана из Киева попросила. / Этого мало. Не иссякла панская сила. / Выкинули пана из Вильно. / Это ещё не победа. Не смотрите умильно. / Вышвырнули Пилсудского из Гродно. / Мало. Мира ещё не подано. / Вышвырните всех белогвардейцев из гнезда. / Только это может мир России дать».

После гражданской и советско-польской войн, уже в 1925 году, Маяковский снова приезжает в Минск, но уже не в губернский, а в столицу Советской Беларуси. Дом культуры, в котором проходила эта встреча, не смог вместить тогда всех желающих послушать поэта. Но к этой встрече с поэтом было собрано около 20 тысяч записок с вопросами самого различного содержания. Были среди них и вопросы о судьбе западных белорусов, оказавшихся по Рижскому мирному договору 1921 года вновь под жёстким польским ярмом. Уверен, что в ходе этой встречи он вновь вспоминал о Гродно и желал ему вместе со всей территорией Западной Белоруссии скорейшего возвращения в состав советской страны. Поэт остроумно отвечал и на другие вопросы читателей, касающиеся его жизни и творчества. Отдельные голоса недоброжелателей были заглушены аплодисментами.

В 1927 году Маяковский в третий раз приехал в Советскую Белоруссию. 27 марта он выступал перед своими читателями в Минском городском клубе имени К. Маркса, а через два дня – в Доме учителя и в клубе работников государственной торговли. Как только Владимир Владимирович вышел на сцену в Доме учителя, кто-то крикнул: «Не понимаем ваших стихов...» Маяковский сделал небольшую паузу, а потом, казалось, без иронии спросил: «Неужели в Доме учителя мне надо начинать выступление с азбуки?» В зале раздался смех. Грянули аплодисменты. Поэт таким образом разрядил обстановку, а потом читал стихи.

Недавно на одном из сайтов в интернете мне попался безымянный материал о ранее неизвестном мне «гродненском мотиве» в судьбе поэта Владимира Маяковского. Речь в нём шла о каком-то чекисте, уроженце Харькова Л.Г. Эльберте, который безуспешно пытался провести экспроприацию в гродненском Фарном костёле весной 1919 года. После этого он чудом выжил и продолжил служить в этом же ведомстве, но на направлении заграничном. Так получилось, что в 1930 году этот человек, скорее всего, совсем не случайно оказался квартирантом у Лили и Осипа Брик, где давно уже обитал Маяковский. Что объединяло этого чекиста и поэта, сказать сложно. Во всяком случае долгое время Маяковский дарил ему своё дружеское расположение, будучи и за границей, и дома. В мемуарах Василия Катаняна, биографа Маяковского, сообщается о нескольких версиях знакомства этих двух людей. По одной из них, поэт и чекист случайно столкнулись в начале 1920-х годов в московской конторе Главполитпути, куда Маяковский принёс плакаты, сделанные им по заказу

железнодорожного ведомства. «В общем, кто знает, как сложилась бы судьба Льва Эльберта, не войди он в гродненский костёл весной 1919 года. Кто знает, какой оказалась бы жизнь Владимира Маяковского, не познакомься он с тайным агентом могущественного ведомства. Споры о том, застрелился ли поэт сам или его убили, не затихают до сих пор...» – именно так заканчивается этот материал на тему «Маяковский и Гродно». При всех натяжках он также имеет определённое отношение к биографии великого поэта XX века.

Автор: Валерий Николаевич ЧЕРЕПИЦА – авторитетный историк, писатель-публицист, известный в Беларуси и за её пределами, профессор Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, автор более 500 научных работ.

[Источник](#)

Использованы фото из журнала «Гродно»